

УДК 930.1(091)''1917/1991''

«ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ» ЛЬВА КЕРТМАНА**О. Л. Лейбович**Пермский государственный институт искусства и культуры, 614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18
oleg.leibov@gmail.com

Реконструирована интеллектуальная атмосфера, сложившаяся в советской исторической науке в конце 1960-х гг. В контексте типичного теоретизирования об исторической науке подвергнута анализу концепция законов исторических ситуаций Л. Кертмана: ее концептуальное содержание и идеологическая форма. Предлагается гипотеза о близости взглядов Л. Е. Кертмана к критическому рационализму К. Поппера.

Ключевые слова: советская историография, методология истории, академический марксизм, десталинизация, категории исторического знания, детерминизм.

В первом номере журнала «Вопросы истории» за 1971 г. под указанным в названии заголовком была опубликована статья профессора Пермского госуниверситета – специалиста в области поздней британской истории – Льва Ефимовича Кертмана.

В ней на обсуждение выдвигались два тезиса:

У исторической науки есть свои законы, не сводимые к общесоциальным, – это законы исторических ситуаций.

Законы исторических ситуаций не предполагают жесткой причинно-следственной связи между событиями; они лишь указывают на возможность такой связи, – возможность, определяемую множеством факторов, не поддающихся предварительному учету.

Для уточнения позиции автора процитируем фрагмент его статьи:

«Таким образом, законы исторических ситуаций представляют собой особый тип законов общественного развития, характеризующийся следующими чертами: 1) в основе их лежит типологическое обобщение ситуаций, а не систем, причем под ситуацией понимается взаимоотношение классов, сложившееся в данной стране в определенный период ее истории; 2) они устанавливают не неизбежность следствия, а его возможность (или невозможность) при ситуации данного типа; 3) законы ситуаций выражают не только зависимость возможности следствия от ситуации, но и степень этой возможности, обуславливаемой зрелостью ситуации данного типа; 4) использование законов этого типа носит конкретно-исторический характер» [Кертман, 1971, с. 64–65].

Для того чтобы оценить значение этих тезисов, представляется необходимым вписать их в интеллектуальную ситуацию, характерную для советской исторической науки в конце 1960-х гг. – на исходе «оттепели».

В сталинскую эпоху сложился директивный канон советского исторического знания, по остроумному замечанию А. Дубровского, что-то вроде «аналога социалистического реализма» [Дубровский, 2005, с. 10]. Этот канон определял особый тип исторических воззрений: смесь догматизированного марксизма и «национальной гордости великороссов». В литературе встречается мнение о том, что был произведен синтез истории по Иловайскому и идейного багажа «Вопросов ленинизма»: «Ранние марксистские лозунги были интегрированы в реконцептуализированную историю СССР, делавшую значительный акцент на русских аспектах советского прошлого» [Бранденбергер, 2009, с. 15].

Представляется, однако, что синтеза не произошло; его, собственно, и не требовалось. Усилиями партийных идеологов была сконструирована особая фацетная оптика для повествования об исторических событиях. Тщательно отобранный марксистский катехизис, диктующий язык (все эти «производительные силы» вкупе с «производственными отношениями», творящие историю и пр.), тематику, способы доказательств при помощи актуальных высказываний классиков, составлял мир, параллельный большому нарративу о подвигах русского народа, его ратоборцев и государей, – нарративу, сочиненному по образцам художественной прозы. Знаток русского средневековья академик С. Б. Веселовский язвительно замечал по этому поводу, что «...новостью является только то, что наставлять историков на путь истины “сравнительно недавно” взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры» [Веселовский, 1963, с. 34].

Между параллельными плоскостями можно обнаружить некоторые точки соединения. Авторы исторических повествований обязаны были не упускать из виду классовый подход, всегда подчеркивать прогрессивную роль своих героев в поступательно-историческом развитии, не пренебрегая при этом цитатами из классиков, не пользоваться «вражескими источниками». Был тогда в ходу такой термин. В свою очередь, историки народного хозяйства должны были искать ростки нового, передового преимущественно в толще народных масс, помнить об отечественных приоритетах в научном, техническом и духовном развитии человечества. Даже наиболее фундаментальные труды, вышедшие в свет в 40–50-е гг., были отмечены «...тенденцией к преувеличению технико-экономических достижений в царской России» [Переход..., 1969, с. 73].

Важнейшим аргументом в споре являлся подбор цитат из классиков, или, как осмелились писать в середине 60-х гг., «старая цитатология» [Там же, с. 233]. Манипуляции с цитатами служили прежде всего свидетельством лояльности, того, что историк присягает на верность «марксизму», отказывается от собственных интерпретаций процессов и событий, в общем не допускает никаких оценочных и языковых вольностей, на партийном языке эпохи – «никакой отсебятины». Именно по этой причине классовая борьба на любом отрезке истории должна была неуклонно обостряться; признание «частичного затухания» на каком-либо отрезке истории вызывало напоминание о бухаринской «ереси» с соответствующими политическими обвинениями.

В идеологическом ходу была жесткая связка между идейной ошибкой – политическим отступничеством – и враждебной деятельностью. Так, следователь НКВД объяснял Д. Лукачу: «В теории Вы были идеалист, в области практики – оппортунист, фракционер, а попросту вы были на службе иностранных разведок – шпион» [Беседы..., 2001, с. 46].

В марте 1934 г. Сталин объяснил, что нельзя подменять историю социологией: пишите о событиях и людях [Бранденбергер, 2009, с. 45]. Нужно оставить теорию партийным руководителям. Термин «социология» может ввести в заблуждение. На партийном языке марксистская социология была синонимом исторического материализма, иначе говоря, большой философии, неразрывно слитой с партийной политикой. И еще в середине 80-х гг. в авторефератах диссертаций под рубрикой «методология исследования» можно было прочесть: «Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и положения марксистско-ленинской теории, развитые в решениях такого-то съезда КПСС (обязательного последнего по времени. – *О. Л.*), в докладах и выступлениях Л. И. Брежнева (Ю. В. Андропова, К. У. Черненко)». Надо ли доказывать, что такие формулы представляли собой только «...фасадный антураж традиционного ученого» [Дмитриев, 2002, с. 39].

Задача историка формулировалась предельно просто: иллюстрировать на конкретных примерах всеобщие закономерности общественного развития, сверяясь с идеологическими указаниями. Тогда он правильно понимал свою ответственность перед партией и народом. В связи с тем, однако, что идеологические установки непрерывно менялись, советский историк должен был свыкнуться с мыслью, что то, что вчера было верным, сегодня таковым уже может не являться, и потому быть всегда готовым к критике со стороны общественности и к самокритике. При этом непрерывно бороться с буржуазными фальсификациями, разоблачать враждебные теории, вскрывать классовую сущность «методологических ошибок» и своих учителей, и самого себя. Как заметил исследователь советских интеллигентов сталинской эпохи, «...трудиться им позволено не для того, чтобы они высказывали свою способность к интерпретации идеологических вопросов» [Вишавайнен, 2004, с. 318].

За тридцать лет советских историков приучили и бездумно повторять формулы, и находить исторические аргументы для партийных лозунгов и сталинских оценок: искать следы «революции рабов» на территории СССР, повторять, что «нас били за отсталость турецкие беки»... и прочие нелепицы, нисходящие с партийного Олимпа. Приучили, однако, не всех. Можно согласиться с мнением современного историка: «...люди всегда находили ниши для нормальной работы, правда, в отличие от сегодняшнего дня, это давалось не так легко». О. Кошелева ссылается на диалог 1947 г. между В. Я. Проппом и И. П. Ерёмным по поводу древнерусского летописания. «Два исследователя вдумчиво и спокойно переписываются по интересующим их проблемам средневекового мышления, думают и сомневаются, никоим образом не ориентируясь на марксизм и линию партии» [Кошелева, 2009, с. 298].

До 1960-х гг. такое отношение к предмету было допустимым для частной переписки, но не для научных публикаций, пусть даже рассчитанных на узкий круг специалистов.

Историки (естественно, их мыслящее меньшинство) искали свой вариант десталинизации собственной науки – и как института, и как процесса исследования. По оценке одного из участников этого прорыва, они «вышли на авансцену позднее. Их аудитория была более узкой. Однако и они вели в своей профессиональной сфере бои неместного значения. <...> Не единицы, но профессиональные коллективы, вступившие в оппозицию не только по истолкованию истоков культа, но и по гораздо более широкому кругу проблем, втягивающих святая святых официального распорядка и вероучения» [Курносков, 2006, с. 363].

Поле боя, или, точнее, пространство для дискуссий, было узким и замкнутым идеологическими стражами. Фактически вся советская история была изъята из проблемного поля. В оценках событий господствовала жесткая нормативная система, закреплённая и властным авторитетом, и соответствующими санкциями. Действовал двойной принцип: в закрытых материалах (в докладе Н. С. Хрущёва XX съезду) было допустимо называть некоторые вещи своими именами: преступления – преступлениями – или выражать сомнения в виновности фигурантов показательных процессов; историкам, не допущенным к архивным источникам, позволялось повторять общие формулы, но не разрабатывать намеченные в том же докладе сюжеты. Книга М. М. Некрича «22 июня», выпущенная в научно-популярной серии издательства «Наука» в 1965 г., вскоре была изъята из обращения: в ней бдительные охранители обнаружили неучтивость по отношению к высшему руководству страны. Дискутировать о ключевых моментах советской истории было нереально, во всяком случае, публично.

Можно начертить несколько интеллектуальных траекторий отхода от канона. Первая, которую условно можно назвать позитивистской, основана на приоритете точно установленных фактов по отношению к теоретическим моделям. Наиболее четко эту позицию в дискуссии об азиатском способе производства сформулировал В. Н. Никифоров – сторонник традиционного для советской науки воззрения на формационную природу древних восточных обществ: «Допустим, что Маркс, Энгельс и Ленин стояли за теорию азиатского способа производства – решающее слово и тут останется за фактами» [Общее и особенное..., 1966, с. 9–10].

Вторая траектория была ориентирована на возвращение эвристических функций марксистской теории, в трактовке А. Дмитриева, на возвращение к академическому марксизму, т.е. к сумме «...исследовательских практик, установок и направлений в социальных и гуманитарных науках, которые в 1920–1930-е гг. были прямо и эксплицитно связаны с марксизмом как особым исследовательским методом, а не только специфической социально-политической идеологией» [Дмитриев, 2007]. Такой была позиция М. Гефтера и его коллег по сектору методологии в Институте истории РАН. Для реализации этих практик представлялось необходимым аутентичное прочтение классиков: «Весь вопрос в том, как цитируем, что избираем в качестве опорных пунктов для реконструкции их взглядов по тому или иному вопросу. <...> Сложность и в том, что историческая концепция классиков марксизма представляет часть более широкого круга идей – философско-методологических, политических, революционных. Поэтому правильное понимание рождается лишь тогда, когда объектом изучения становится система взглядов в ее движении, с той внутренней обязательной связью и логикой этой связи, которая присуща марксизму», – отстаивал исследовательский принцип М. Гефтер в дискуссии о проблемах формирования буржуазного общества в России [Переход..., 1969, с. 222–223].

И тут снова вставал «проклятый вопрос»: каков статус истории в марксистской парадигме общественнознания: собирать факты для их последующего социологического обобщения, обнаруживать специфику проявления общесоциологических законов в зависимости от времени и места или подыскивать дополнительные аргументы в идеологической борьбе с буржуазной мыслью, проводя деконструкцию ее мифологем, но для этого все равно нужно предварительно провести ревизию собственного идеологического багажа: заполнить разрывы «...между формулами общих законов, повторяемыми и варьируемыми в учебниках и популярных изданиях по историческому материализму», и современностью [Историческая наука..., 1969, с. 7].

Одним из вариантов ответа на этот вопрос было суждение академика Е. М. Жукова: «Разница в подходе социологии и истории к общему объекту исследования заключается в том, что социология выявляет и выделяет преимущественно то общее, типическое, что присуще процессу всемирной истории, история же концентрирует свое внимание преимущественно на частных проявлениях общих закономерностей, изучает многообразие путей и форм, в которых протекает об-

щий процесс. <...> В свою очередь историк-марксист не может не заниматься теоретическим обобщением, социологическим анализом изучаемого материала, иначе он рискует скатиться к простой регистрации фактов, к простой описательности» [Переход..., 1969, с. 104]. В приведенном суждении легко обнаружить то, что называется взвешенным подходом, или, в иной интерпретации, каучуковостью формулировок. История в отличие от социологии (читай: исторического материализма) занимается частностями, деталями, мелочами, «проявлениями общих закономерностей», явно не ею открытыми. Это с одной стороны. С другой же, она должна все-таки заниматься теоретическим обобщением, иначе перестанет быть марксистской.

Поле для дискуссий было обнесено идеологическими вехами. Все ее участники постоянно апеллировали к Марксу, заявляя о своем принципиальном несогласии с западными концептами исторического знания, мотивировали свои теоретические поиски задачами дальнейшего развития советской исторической науки. Тем более, что и охранители были начеку: в ЦК КПСС потоком шли доносы на ревизионистов от истории. В «Советской России» печатались грозные обвинения новаторов в отходе от коренных принципов марксизма-ленинизма; административные органы принимали организационные меры: после издания сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности» закрыли сектор по методологии... [Курносков, 2006]. В 1970 г. казалось, что «историческая оттепель» закончилась, – и вот тут появляется статья Л. Кертмана.

На первый взгляд, автор принадлежит к приверженцам «академического марксизма», более того, он солидаризируется с уже опальным М. Гефтером. В статье Л. Кертмана есть сочувственная ссылка на «Историческую науку»: «Плодотворны также (и учтены нами при разработке предлагаемой гипотезы) соображения об “исторической возможности”, о значении категорий “возможности и действительности в общественном развитии”, о вероятностной трактовке исторической закономерности» [Кертман, 1971, с. 67]. И система доказательств – сумма ссылок на высказывания В. И. Ленина и, много реже, К. Маркса (их в статье 39 из 43) – как будто бы прямо заимствована у Гефтера: явно просматривается упомянутая «реконструкция взглядов» классиков на определенный вопрос: какие закономерности открывают историки, или, по Жукову, что и как они могут «социологически обобщать».

Можно прочесть статью Л. Кертмана как теоретическую спекуляцию на тему марксистской методологии по готовому образцу. Из работ классиков извлекаются нужные автору цитаты, переформатируются в соответствии с авторской логикой и выстраиваются в виде концепции, извлеченной из корпуса классических текстов.

Обратимся, однако, к стилю изложения. Казалось, что Л. Е. Кертману, обладавшему легким пером, здесь изменило мастерство. «Законы исторических ситуаций» трудно читать: громоздкие грамматические конструкции, обильное цитирование больших кусков из ленинских работ, повторы. Вот фрагмент первого абзаца: «При всех различиях между законами исторического материализма, политической экономии, эстетики, конкретной социологии, теории литературы, истории искусства и других общественных наук (по масштабу охватываемых законами явлений, уровню абстракции, степени формализации и т.п.) всем им свойственна определенная качественная однотипность как законам определенных общественных систем, будь то человечество в целом, отдельные общественно-экономические формации, стадии той или иной формации (например, законы империализма) или различные относительно самостоятельные стороны исторического процесса» [Кертман, 1971, с. 55]. Это одно предложение. Легко узнаваемый стиль Л. Е. Кертмана здесь отсутствует напрочь. Кажется, что это писано другой рукой – доцента истмата.

Можно объяснить это косноязычие («зависимость возможности следствия от ситуации») тем, что новый жанр потребовал иного языка, с которым автор не смог совладать.

Можно, однако, предположить и нечто принципиально иное. Р. Арон, характеризуя способ изложения Л. Альтюссера, попытавшегося в те же годы структуралистски прочесть «Капитал» Маркса, заметил в нем «...склонность к сохранению священных слов, к приданию им нового смысла. Отсюда сложный характер мысли, полной теологических ухищрений и претендующей на научность, или, скорей, на наукообразность, порой очень далекой от исследования актуальных проблем, но имеющей ту же направленность, что и мысль Сартра: сделать доступной для изощренных умов простую догму» [Арон, 1993, с. 195]. Альтюссер – коммунист, напоминает Р. Арон, иначе он писать не может, если стремится избежать обвинений в ревизионизме со стороны бдительных товарищей.

Не так ли и Л. Е. Кертман за завесой чужих слов, за частоколом цитат попытался выйти из круга допустимых мыслей? Не затем, чтобы «довести до изощренных умов простую догму», а затем, чтобы представить облеченную в догматическую форму новую идею – тем же самым – только советским изощренным умам?

Содержание статьи позволяет выдвинуть эту гипотезу. Для марксистской мысли XX столетия органичной являлась идея направленности исторического развития – направленности по восходящей линии, в терминах Маркса, от первичной формации к формации экономической и далее – к коллективистской. В каждой предшествующей формации созревают условия для появления следующей [Маркс, 1973, с. 461].

В соответствии с объективными закономерностями развития человечество приближается к коммунизму. Это был краеугольный камень идеологии, закрытый для каких бы то ни было дискуссий. Единственное, о чем позволили себе спорить историки в 60-е гг., так это о том, сколько общественных формаций пройдет человечество, прежде чем вступит в коммунизм: четыре, как говорилось в учебниках, или пять, как предполагали сторонники особого, азиатского, способа производства.

Л. Е. Кертман фактически поставил под сомнение закономерность исторического процесса, – закономерность, задающую вектор развития. Прежде всего он расчленил его на конкретно-исторические ситуации. Именно в них автор статьи в «Вопросах истории» увидел «клеточку», в которой аккумулированы все типические черты этого процесса: «История идет, так сказать, от ситуации к ситуации, причем сама ситуация есть результат и конкретное проявление этого взаимодействия. <...> Какой бы из приведенных выше законов ситуаций ни рассмотреть с этой точки зрения, обнаружится, что в формировании ситуации всегда участвуют все стороны исторического процесса, а значит, прямо или косвенно и присущие им законы» [Кертман, 1971, с. 65, 66].

Все эти ситуации уникальны в своей конкретности, они не повторяются. Можно, однако, произвести процедуру типологизации, отталкиваясь от их содержания. Л. Е. Кертман предпочитает употреблять более привычный оборот: от их классовой сущности, т. е. расстановки классовых сил и их соотношения. «Из этого вытекает и определение законов ситуаций: законы исторических ситуаций представляют собой конкретно-исторические законы, устанавливающие устойчивую и необходимую повторяемость зависимостей между типом ситуации и возможностью определенного следствия» [Там же, с. 65]. Для Кертмана очень важна идея «возможности». Он возвращается к ней несколько раз: «В отличие от законов этого типа законы ситуаций носят, так сказать, эвентуальный характер; они устанавливают не неизбежность данного следствия, а его возможность. Иными словами, само следствие носит здесь специфический характер: оно выражается в возможности (или невозможности) указанного в законе развития событий, конкретного хода истории» [Там же, с. 62].

Суммируем: исторический процесс, по мысли Кертмана, складывается из уникальных ситуаций, сопоставлять которые можно только по их социальному содержанию, поэтому закономерности реального исторического процесса отнюдь не безусловны: они только определяют возможности исторического действия. При такой интерпретации исторический процесс не обладает заданной направленностью; в каждой точке развития перед участниками исторического процесса открываются как минимум несколько возможностей. «В каждой исторической ситуации есть альтернатива, события могут обернуться так или иначе в зависимости от множества обстоятельств, не входящих в типологические признаки ситуации» [Там же]. У исторического процесса нет заданных векторов; указательные столбы развернуты в разные стороны.

Такая позиция близка к критике историцизма, осуществленной К. Поппером, отвергавшим ложное убеждение Маркса в том, «... что строго научный метод должен основываться на строгом детерминизме. Марксовы “неумолимые законы” природы и исторического развития ясно показывают влияние на него интеллектуальной атмосферы, созданной П. Лапласом и французскими материалистами» [Поппер, 1992, с. 101].

Сейчас уже невозможно установить, был ли Л. Е. Кертман знаком с работами английского философа или двигался встречным курсом. Представления о детерминизме исторического действия у них были достаточно близки.

Можно возразить, что Л. Е. Кертман не придавал законам исторической ситуации той значимости, которая бы позволила исходя из его концепции поставить под сомнение большую тео-

рию исторического процесса, более того, он несколько раз специально подчеркивал, что эти маленькие законы не отменяют и не замещают законов больших, общесоциологических: «Закон неравномерного развития капитализма, закон относительного и абсолютного обнищания рабочего класса, закон смены общественно-экономических формаций, закон неизбежности диктатуры пролетариата как государства переходного периода и другие общие законы (законы систем) носят безусловный характер. Обстоятельства места и времени могут повлиять лишь на форму и степень интенсивности их проявления» [Кертман, 1971, с. 62].

Должно заметить, однако, что эти уступки идеологическим догматам (искренние или лукавые – не столь важно) не касаются содержания концепции. Исторический процесс в его конкретных формах, складывающийся из ситуаций, тождествен социуму: «но сам объект – развитие человеческого общества – существует только в единстве всех его сторон. Действительная история – это постоянное единство и взаимодействие различных сторон исторического процесса» [Там же, с. 65]. И, стало быть, никакие иные закономерности, кроме тех, что установлены для исторического процесса, в социуме не могут возникнуть. Критическая компонента концепции выражена в статье яснее, чем ее собственно эвристическая составляющая. Здесь автора подвел «корпус прикрытия». Цитаты были извлечены из ленинских работ, посвященных тактике революционной партии, прежде всего теме революционных ситуаций, – сейчас бы они проходили по ведомству политологии, тогда – по ведомству теории научного коммунизма. В Европе тактику революции изучали по Малапарте, отстаивавшему противоположный взгляд на характер революционных действий: «Тактика повстанцев вовсе не зависит от условий в стране и от наличия революционной ситуации, благоприятствующей восстанию. Применить тактику октября 1917 г. в России, управляемой Керенским, было ничуть не легче, нежели, скажем, в Голландии или в Швейцарии» [Малапарте, 1988, с. 97]. Для историков эти сюжеты оставались чужими, да и, прямо скажем, не слишком интересными. Тем не менее попытаемся выявить позитивное содержание концепции.

Законы исторических ситуаций и суть те самые общесоциологические законы, которые позволяют понять многомерность, альтернативность и дискретность исторического процесса. Их содержание определяется конкретными условиями времени и места. Повторяемость возможна – и на этом настаивал Кертман – только в пределах пространственно-временного континуума, обладающего социальным тождеством: действуют те же классы в однотипных обстоятельствах, решают подобные задачи.

Исторический анализ ситуаций предполагает изучение расстановки классовых сил, обязательно включает в себя субъективный элемент, в терминах статьи, «...целеустремленную деятельность людей, партий, классов, активность человека – творца истории, роль революционной энергии, смелости, тактического искусства» [Кертман, 1971, с. 62], т. е. все то, что может быть отнесено к сфере культуры. Сами ситуации могут быть расчленены на компоненты: экономические, политические и прочие – или развернуты для изучения в виде определенных кейсов. Иначе говоря, на основе исследования одной вполне конкретной ситуации историк может реконструировать общее состояние общества в данный конкретный момент и обнаружить в нем перспективы изменений.

Наконец, перед историком открывается новое исследовательское поле: изучение нереализованных альтернатив: анализ условий, при которых те или иные возможности оказались закрытыми для участников исторического процесса.

Принцип исторического познания, предложенный Л. Е. Кертманом, – назовем его *слабым детерминизмом* – оказался не востребованным современным ему научным сообществом. Статью не поняли, концепцию не расшифровали. Ее эвристический потенциал остался нереализованным до настоящего времени.

Избранный автором и одобренный редакцией журнала цитатный метод аргументации сделал практически невозможным возвращение текста Кертмана в современную дискуссию о способах конструирования исторического знания.

Библиографический список

Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993.

Беседы на Лубянке: Следственное дело Дердя Лукача: материалы к биографии. М., 2001.

- Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб., 2009.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная проблема русской интеллигенции. СПб., 2004.
- Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история академии: случай А. Н. Шебунина // НЛЮ. 2002. (54).
- Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // НЛЮ. 2007. № 88 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2-pr.html>
- Дубровский А. М. Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск, 2005.
- Историческая наука и некоторые проблемы современности: статьи и обсуждения / отв. ред. М. Я. Гефтер. М., 1969.
- Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопр. истории. 1971. № 1.
- Кошелева О. Е. Доклад Н. А. Сидоровой и история государства российского // Одиссей: Человек в истории. 2009. № 1.
- Курносоев А. А. Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960–1970-х годов (по материалам Центра хранения современной документации) // Вопр. образования. 2006. № 4.
- Малапарте К. Техника государственного переворота. М., 1988.
- Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1973. Т. 47.
- Общее и особенное в историческом развитии стран востока: матер. дискуссии об общественных формациях на востоке (Азиатский способ производства). М., 1966.
- Переход от феодализма к капитализму в России: матер. всесоюз. дискуссии. М., 1969.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие ораторы. М., 1992.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.11.2011

LEV KERTMAN'S «LAWS OF HISTORICAL EVENTS»

O. L. Leibovich

Perm State institute of Arts and Culture, Gazeta «Zvezda» st., 18, 614000, Perm, Russia
oleg.leibov@gmail.com

The article is devoted to the analysis of a theoretical hypothesis of a Perm historian, which concerns the laws of historical development. The author of the article published in 1971 in a journal *Voprosy Istorii* («History Issues») put forward a new approach to historical process understanding, which is quite contrary to the traditional in Soviet historiography approach – progressive development of society. Kertman's underlying idea is that history possesses «flexible» regularities: capabilities arisen from the typologically similar historical events.

The subjects of a historical action (classes, as Kertman called it) have at their disposal several options. The choice of option and the way the future events will be developed completely depend on the classes behavior: their purposefulness, their own interests understanding, and, more importantly, correlations of social powers. Following Kertman's way of thinking it should be noted that in that case historical process development could be described just as a retrospection which brought the course of history back, it is a result of teleological reality perception. Kertman's idea was conceptually closer to the criticism of K. Popper's historicism than to any school of Marxist historical thought. At the same time L. Kertman implemented a system of arguments, which is recognized in a classical Soviet historiography. A great number of quotations was a tool to prove that V. I. Lenin was the person who introduced the idea of «laws of historical events» and that in his article L. Kertman reconstructed Lenin's ideas remained unnoticed by his contemporaries. One may suggest that at that time of ideological reaction came from the followers of Stalin's canon it was more a necessary ploy, than an actual methodological principle. Tactic success turned into tactic failure. The key ideas remained unnoticed.

Key words: Soviet historiography, history methodology, academic Marxism, De-Stalinization, categories of historical knowledge, determinism.

References

- Aron R.* Mnimyy marksizm. Moscow, 1993.
- Besedy na Lubyanke. Sledstvennoe delo Derdya Lukacha. Materialy k biografii. Moscow, 2001.
- Brandenberger D. L.* Natsional-bolshevizm. Stalinskaya massovaya kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya. 1931–1956. St. Petersburg, 2009.
- Dmitriev A.* «Akademicheskii marksizm» 1920–1930-kh godov: zapadnyy kontekst i sovetskie obstoyatelstva // NLO. 2007. No. 88 [e-resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2-pr.html>
- Dmitriev A.* «Akademicheskii marksizm» 1920–1930-kh godov i istoriya akademii: sluchay A. N. Shebunina // NLO. 2002. No. 54. P. 38–55.
- Dubrovsky A. M.* Istorik i vlast. Istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodalnoy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gody). Bryansk, 2005.
- Istoricheskaya nauka i nekotorye problemy sovremennosti / ed. by M. Ja. Gefter. Moscow, 1969.
- Kertman L. E.* Zakony istoricheskikh situatsiy // Voprosy istorii. 1971. P. 55–68.
- Kosheleva O. E.* Doklad N. A. Sidorovoy i istoriya gosudarstva rossiyskogo // Odissey: Chelovek v istorii. 2009. No. 1. P. 295–298.
- Kurnosov A. A.* Ob odnom iz epizodov razgroma istoricheskoy nauki 1960–1970-kh godov (po materialam Tsentra khraneniya sovremennoy dokumentatsii) // Voprosy obrazovaniya. 2006. No. 4. P. 363–389.
- Malaparte K.* Tekhnika gosudarstvennogo perevorota. Moscow, 1988.
- Marks K.* Ekonomicheskaya rukopis 1861–1863 godov // Marks K., Engels F. Soch. 2 izd. Moscow, 1973. Vol. 47. Obshchee i osobnoe v istoricheskom razvitiy stran vostoka: Materialy diskussii ob obshchestvennykh formatsiyakh na vostokey (Aziatskiy sposob proizvodstva). Moscow, 1966.
- Perekhod ot kapitalizma k feodalizmu v Rossii. Moscow, 1969.
- Popper K.* Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vol. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel, Marks i drugie orakuly. Moscow, 1992.
- Veselovsky S. B.* Issledovaniya po istorii oprichniny. Moscow, 1963.
- Vikhavainen T.* Vnutrenniy vrag: borba s meshchanstvom kak moralnaya problema russkoy intelligentsii. St. Petersburg, 2004.